HQ
503
.B64x
1903

AUX
STOR
1

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

301.423
B633s

СЕМЬЯ
И
ГОСУДАРСТВО.

Жизнь имѣетъ свои законы,
а чтобы намъ жить, мы должны
исполнять эти законы.

КРЕСТЬЯНИНЪ Н. БОГАЧЕВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ.
Марьина роща, соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 15 іюня 1902 г.

THE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

СЕМЬЯ
и
ГОСУДАРСТВО.

«Сотвори Богъ мужа и жену, сотвори ихъ и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся и наполните землю и обладайте ею».
Книга Бытія. Глава I, ст. 27, 28.

Вотъ начало жизни народовъ всего міра.

Сотвори Богъ мужа и жену, сотвори ихъ.

Потомъ мы видимъ, Адамъ рождаетъ дѣтей Каина, Авеля и другихъ сыновъ и дщерей.

Это первое семейство на юной землѣ.

Въ цвѣтущей жизни Адамъ воспитываетъ юную жизнь дѣтей, а цвѣтущая жизнь дѣтей поддерживаетъ жизнь старца-родителя.

И по праву рожденія и воспитанія дѣтей право быть родоначальникомъ принадлежитъ родителю.

Это первая власть въ мірѣ.

Такимъ образомъ семья есть законъ жизни, а чтобы намъ жить, мы должны исполнять этотъ законъ, и всякое нарушеніе этого закона есть зло, ибо безъ семейства жизнь не можетъ ни родиться ни воспитаться, ни поддерживаться.

Отъ одного семейства произошли многочисленныя семейства*), образовались общества, царства и,

*) Итакъ, люди не съ неба свалились на землю въ родѣ падающихъ звѣздъ и не птица ихъ принесла изъ странъ воздушныхъ, но всѣ они оживотворились и воспитались въ семьѣ.

чтобы въ семействахъ было единство, то воля родителей, по соизволенію Божію *), соединилась въ одну волю Царскую.

И теперь Царь является Посланникомъ Неба и представителемъ власти многочисленныхъ родителей и потому онъ называется нашъ Отецъ и первый охранитель семейства.

И власть Царская есть власть вторая.

Но какъ въ волѣ Монарха заключаются власть Бога и власти всѣхъ родителей, то власть Царская есть власть самая великая на землѣ и потому она сіяетъ на престолѣ подобіемъ Божества.

Мы видѣли, что семейство было безъ государства, а государство безъ семейства быть не можетъ, государство безъ семейства—это пустой звукъ, пустое имя. Слѣдовательно, семья важнѣе государства и государство должно охранять семью, чтобы быть государствомъ.

Но благословенная семья безъ мужа и жены быть не можетъ; но если мужчины и женщины, юноши и дѣвицы живутъ вмѣстѣ, не называясь мужемъ и женою, то такая жизнь называется жизнію не семейною, а скотскою.

И когда правительство не поддерживаетъ зако-

*) Книга царствъ, глава 8, стихъ 22.

новъ семейства, тогда подчиненные и начальствующіе, мужики и генералы живутъ обществомъ барановъ, ословъ и свиней.

Уяснимъ себѣ еще болѣе значеніе семьи.

Семью составляютъ мужъ, жена, отецъ и мать, дѣти, юноши и дѣвицы.

Отецъ—глава семейства, а дѣти—члены его.

Жизнь отца оживотворила жизнь дѣтей, а жизнь дѣтей животворитъ слабую жизнь старца-родителя.

Такимъ образомъ дѣти, какъ и отецъ, суть члены жизни.

И жизнь процвѣтаетъ тогда, когда члены на своемъ мѣстѣ, то-есть, когда отецъ начальствуетъ, а дѣти повинуются.

Но юноша не можетъ быть членомъ жизни, не бывъ членомъ семейства.

И когда юноша не состоитъ членомъ семейства, то онъ не членъ жизни, а членъ погибели.

И дѣвица, если не состоитъ членомъ семейства, то она—не мать жизни, а мать смерти.

И чтобы дѣвица была матерью жизни, она должна состоять членомъ семейства отца, пока не выйдетъ замужъ и не сдѣлается членомъ другого семейства.

Поэтому человѣкъ не имѣетъ права жить, если онъ не состоитъ въ семьѣ, потому что жизнь происходитъ только отъ семьи и въ семьѣ.

Но если развратные и живутъ внѣ семьи, то они живутъ жизнію чужою, жизнію другихъ семействъ; они живутъ, какъ разбойники, — чужимъ имуществомъ, они живутъ, какъ трутни у пчелъ: медъ ѣдятъ, а сами его не добываютъ.

Посмотрите на жизнь развратника, если онъ живетъ отъ хлѣба, питаясь имъ, то этотъ хлѣбъ произведенъ изъ золотой пшеницы или ржи, воздѣланной и пожатой на нивахъ людьми семейными.

Если онъ питается мясомъ барашковъ или тельцовъ, и эти животныя возращены на цвѣтущихъ лугахъ и поляхъ подъ наблюденіемъ семьи.

Если онъ просвѣщается наукою, ходитъ въ университетъ, и этотъ храмъ просвѣщенія воздвигнутъ многочисленными руками людей семейныхъ.

Итакъ, развратный оказывается тунеядцемъ или, лучше сказать, паразитомъ на великомъ тѣлѣ государства.

Когда дѣти не повинуются власти родитель-

ской—это значитъ то же, что народъ не повинуется власти царя, потому что отецъ—природный царекъ, семейство—маленькое царство, а дѣти—его подданные.

Дѣти живутъ жизнію отца, а государство живетъ жизнію семейства.

На власти родительской зиждется власть царская, а отъ власти царской крѣпнетъ власть родительская.

Въ этомъ и заключается жизнь и крѣпость царства.

Въ нашемъ отечествѣ все, что есть великаго, дала намъ семья.

Всѣ ученые профессора родились и воспитались въ семьѣ.

Семья—колыбель мудрецовъ.

Семья—первый храмъ просвѣщенія: здѣсь ребенокъ погружается въ купель крещенія, узнаетъ Бога, научается лепетать молитвы.

Семья—это святыня рода человѣческаго.

Итакъ, высшее достоинство государства крѣпнетъ, развивается, процвѣтаетъ отъ семейства,

какъ въ растеніяхъ, въ деревахъ, цвѣтахъ благотворные соки поднимаются кверху снизу изъ корней.

Но если и падаетъ дождикъ сверху, то онъ долженъ благотворить корнямъ.

Но если развращенно семейство, развращенно и государство, благословенна семья, благословенно и государство; крѣпка власть родительская, крѣпка и власть царская; паденію власти царской предшествуетъ паденіе власти родительской.

Въ семействѣ заключается причина славы и погибели государства.

Семейства это—капли, составляющія великое море народное и въ своихъ пучинахъ рождающія перла и на своихъ хребтахъ носящія корабли и броненосцы.

А государство безъ семейства—это море безъ воды или корабль на пескѣ, полезный только для разбойниковъ.

Теперь мы хотимъ обратить вниманіе на то, въ какомъ положеніи находится семья среди просвѣщеннаго государства.

Въ нашемъ отечествѣ дозволяется вести жизнь, семейную и не семейную, то-есть *дозволяется* быть благочестивымъ и развратнымъ. Такія дозволенія мы считаемъ вредными и для семьи и для государства.

По нашимъ *правиламъ*, если домовладѣлецъ *столицы* не успѣлъ поднять листокъ, сорванный вѣтромъ съ дерева и брошенный на дорогу, считается *зломъ, преступленіемъ противъ чистоты*.

Но если человѣкъ растлитъ цвѣтущую дѣвицу и дѣтей броситъ на ту же дорогу, а родителей ея преждевременно сведетъ въ могилу, — не считается *преступленіемъ* противъ семейства и противъ государства.

Такая чистота наблюдалась у Еврейскаго народа: особенное обращалось вниманіе на внѣшность, на стекляницы, изъ которыхъ пили, на блюда, изъ которыхъ ѣли *) и даже на пальцы рукъ, которыми писали бумаги.

По этой причинѣ Іисусъ Христосъ, обращаясь къ іудейскимъ начальникамъ, фарисеямъ, сказалъ: „вы процѣживаете *комара*, чтобы не выпить его, а *верблюда* **) не чуете".

---

*) Евангеліе отъ Матѳея глава 23, стихъ 25.

**) Евангеліе отъ Матѳея глава 23, стихъ 24.

И начальниковъ, имѣющихъ одежду, обшитую золотомъ *), называлъ гробами повапленными, которые снаружи сіяли блескомъ, а внутри были полны костей, мерзостей и зловонія.

Но здѣсь не значитъ то, что Іисусъ Христосъ шелъ противъ чистоты и носителей власти, а значитъ то, что Онъ указалъ начальникамъ, что они занимаются внѣшностію неважною, а что народъ поставленъ на ложную дорогу, не примѣчаютъ.

Какъ теперь европейскіе начальники листокъ на дорогѣ видятъ, а рядомъ съ нимъ брошенныхъ младенцевъ какъ бы не примѣчаютъ и за нихъ не наказываютъ.

А между тѣмъ разница младенца отъ листочка такъ велика, какъ велика разница комара отъ верблюда.

---

*) Евангеліе отъ Матѳея глава 23, стихъ 27.

На самомъ дѣлѣ, что значатъ золотыя пуговицы на мундирѣ? онѣ выражаютъ внутреннее достоинство, онѣ обнаруживаютъ блескъ нравственности, онѣ вывѣска того хорошаго, которое внутри.

Когда человѣкъ, живущій съ блудницею, украшается блескомъ орденовъ, это обманъ публики, это подлогъ, достойный высшаго наказанія.

И намъ кажется, что такія отличія не на мѣстѣ.

И Аѳинскій мудрецъ Исократъ развратныхъ начальниковъ относитъ къ недальновидности правительства.

Рѣчь Исократа 1-я, ст. 30.

Такъ мы сказали не потому, что не желаемъ уважать мундиръ, а потому, что нѣкоторые начальники сами-то не уважаютъ мундира, живя развратно.

Еще по нашимъ *законамъ*: если на фабрикѣ мальчикъ прищемитъ въ машинѣ пальчикъ, то какой дѣлается переполохъ: является носитель власти, описываетъ событіе, передаетъ въ руки правосудія и хозяинъ наказанъ за его непредусмотрительность.

Но что на фабрикахъ юноши и дѣвицы, мужчины и женщины живутъ, какъ самцы съ самками, этого беззаконія власти не примѣчаютъ и хозяинъ остается безнаказаннымъ.

Но зато громадные корпуса фабрики выстроены на точномъ основаніи закона, многомилліонныя машины блестятъ и расположены по послѣднему искусству техники, вездѣ царитъ порядокъ, чистота для коней, для товара, для дровъ есть мѣста указанныя закономъ; но если у супруговъ-тружениковъ родится младенецъ,—этотъ будущій защитникъ Церкви и Россіи, то случается негдѣ и положить его, и намъ кажется, что на фабрикахъ болѣе обращается вниманіе на скотовъ, чѣмъ на семейныхъ людей.

Иная фабрика отличается отъ дома разврата тѣмъ, что называется фабрикою, но если въ ней хорошо выдѣлываютъ вещицы, ленточки, пуговки, то, несмотря на развратъ, хозяинъ отъ правительства получитъ орла.

Если фабрики въ силу міровыхъ причинъ необходимы, если онѣ приносятъ пользу, то онѣ должны служить для народа. А у насъ выходитъ такъ,

что народъ въ жертву фабрикъ приноситъ свою жизнь, нравственность и благоденствіе семьи.

На дворъ фабрики бѣдные родители приводятъ своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, и здѣсь они, какъ безсмысленные барашки и овечки, живутъ, оскверняются, и растлѣваются и погибаютъ.

И въ какомъ же положеніи находятся родители? Въ деревнѣ нужда семейства, а на фабрикѣ погибель ихъ дѣтей.

Это больное мѣсто на тѣлѣ государства.

Государь ввѣрилъ фабрикантамъ народъ, чтобы они пользовались его силами, и они должны быть отвѣтственны за нравственность народа предъ Государемъ, какъ они отвѣтственны за несовершенство машинъ и порчу тѣла труженика.

Для фабрикантовъ, для властей на первомъ планѣ должна быть семья и нравственность, а машины и корпуса на второмъ планѣ, потому что Россію составляютъ не мертвыя машины и корпуса, а живые люди.

Въ нашемъ государствѣ есть высшее учрежденіе народоправленія, раздѣленное на министерства.

Министръ финансовъ вѣдаетъ драгоцѣнные металлы, ему ввѣренные; предъ его проницатель-

ностію не ускользнетъ ни одна копѣйка перерасхода государства и не утаится ни одна лепта недоимки селянина, живущаго на отдаленной окраинѣ отечества. Министръ просвѣщенія заботится о просвѣщеніи умовъ юношей. Министръ правосудія блюдетъ букву закона, дабы не пропала ни одна черта изъ закона. Министръ иностранныхъ дѣлъ ведетъ переговоры о внѣшней политикѣ; онъ ограждаетъ отечество отъ посягательства нашихъ сосѣдей. Министръ путей сообщенія наблюдаетъ дороги и слѣдитъ за удобствами путешественниковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ наблюдаетъ за порядками страны; онъ наблюдаетъ не только за дѣяніями, но и за звуками словъ публичныхъ ораторовъ. Министръ военный утончаетъ искусства военныя. Въ этомъ вѣдомствѣ записываются чуть ли не минуты рожденія дѣтей, имѣющихъ носить оружіе подъ знаменами отечества, и есть оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и митрополиты, подъ наблюденіемъ которыхъ ведутся тонкости богословскія—ученіе о Святой Троицѣ.

Но что у насъ разваливается семья, что заражается государство, что многочисленныя дѣвицы являются съ большимъ чревоношеніемъ, что родители утопаютъ въ слезахъ, этого никто не видитъ, и самые пастыри Господни не обращаютъ вниманія на семью, какъ бы ограничивая свое служеніе стѣнами храма.

Отцамъ семейства, старцамъ-родителямъ одно остается—просить помазанника Божія Царя, чтобы

Онъ учредилъ новое министерство народной нравственности, которое вѣдало бы дѣла брака и ограждало семью отъ набѣга разбойниковъ.

Всѣ законы, какъ человѣческіе, могутъ быть несовершенны, а мы спѣшили для Россіи списывать западные законы, какъ бы жизнь не имѣетъ собственныхъ законовъ.

И потому къ намъ натащили много иностраннаго, чужого, не русскаго и несогласнаго съ жизнію.

А тогда кричали, что къ намъ везутъ цивилизацію, что невѣжество кончится, что наступятъ времена прогресса, нравы людей умягчатся и улучшатся права бѣдныхъ къ богатымъ и богатыхъ къ бѣднымъ.

Чтобы видѣть успѣхи цивилизаціи, мы хотимъ сравнить то, что было, съ тѣмъ, что есть.

Прежде дѣвушки и женщины на головахъ носили платочки, а теперь шапочки съ пришитыми тряпочками и съ воткнутыми перышками, какъ у дикихъ людей.

Прежде у дѣвушекъ на щекахъ игралъ природный румянецъ, а теперь играютъ искусственныя краски.

Прежде старцы имѣли зубы бѣлые, какъ снѣгъ,

а теперь юноши имѣютъ зубы гнилые и черные, какъ земля.

Если люди имѣютъ видъ благородный, лица красивыя, тѣло мягкое, кожу тонкую—это частію оттого, что они не соблюдаютъ постовъ, а ѣдятъ мясо и въ этомъ нѣтъ цивилизаціи, потому что такъ дѣлаютъ и собаки.

Поэтому въ мужикахъ есть цивилизація, потому что они живутъ не какъ собаки, а соблюдаютъ посты.

Посмотримъ на другіе виды цивилизаціи: Если праздный юноша явится на балъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и онъ умѣетъ съ дѣвицами въ обжимочку танцовать и тутъ же развращать ихъ,—это доказываетъ цивилизацію.

Но если трудолюбивый юноша явится туда же съ голыми пальцами и онъ не умѣетъ ножками расшаркаться по паркетному полу,—это служитъ признакомъ, что юноша не хватилъ цивилизаціи.

Итакъ, современная цивилизація заключается въ танцахъ, тряпочкахъ, перышкахъ, бѣлыхъ перчаткахъ и развратѣ.

Намъ желательно видѣть разумную цивилизацію и мы обращаемся въ область открытія.

Прежде на какомъ-нибудь дѣлѣ работало тысяча человѣкъ, а теперь цивилизація поставила машину,---работаетъ только пятьдесятъ, слѣдовательно цивилизація сократила потребность въ рукахъ народа.

Прежде мужикъ отъ деревни до города ѣхалъ на конѣ два дня сытымъ, а теперь онъ ѣдетъ на машинѣ два часа голоднымъ.

Прежде воевали дреколіями, стрѣлами, и война продолжалась по нѣскольку лѣтъ, а теперь цивилизація изобрѣла пушки, митральезы и въ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ цвѣтущія царства превратить въ развалины, а землю залить кровію человѣческою.

Слѣдовательно, цивилизація усилила орудія истребленія рода человѣческаго и отъ нея дышитъ смертію жизни и подъ бременемъ ея вооруженій уже стонутъ народы европейскіе.

Прежде пушки имѣли видъ грубый, а теперь пушки имѣютъ видъ блестящій и болѣе убійственный.

Еще цивилизація истребила лѣса, изсушила источники, загрязнила рѣки и самую атмосферу сдѣлала неблагопріятствующею для плодородія.

Вотъ все то, чѣмъ кичится человѣческій разумъ.

Высшую цивилизацію принесъ съ неба на землю Іисусъ Христосъ. Онъ говорилъ своимъ

ученикамъ: если ты хочешь быть сыномъ цивилизаціи, отвергнись себя, убей змія наслажденій, и тогда тебѣ потребуется менѣе средствъ для своей личности и ты будешь имѣть возможность служить человѣчеству.

Но если ты не уничтожишь въ себѣ любовь къ сластолюбію, роскоши, пышности, то сколько бы ты ни имѣлъ богатства, тебѣ будетъ казаться мало самому себѣ и ты не будешь имѣть возможности помогать бѣднымъ, хотя ты будешь ученый, узнаешь законы звѣздъ, откроешь міры бациллъ, микробовъ, но ты будешь не другомъ цивилизаціи, а другомъ самолюбцевъ.

Что пользы въ ученомъ, если онъ недоступенъ для бѣдныхъ.

Что пользы, если богатый выстроилъ многоэтажный домъ, освѣщаемый электрическими огнями, а кругомъ стоятъ на морозѣ трясущіеся бѣдные и смотрятъ, какъ въ него пускаютъ только богатыхъ, гордо къ нему подъѣзжающихъ.

Такъ мы говоримъ не потому, что мы не признаемъ цивилизаціи, а потому, что у насъ нѣтъ цивилизаціи.

Мы тогда можемъ сказать, что у насъ есть цивилизація, когда у насъ не будетъ бѣдныхъ.

Истинная цивилизація состоитъ не въ наукѣ, а въ христіанствѣ, не въ открытіи силъ природы, а въ любви къ человѣчеству и благоденствіи народа.

Иной одѣвается по-европейски, питается снѣ-

дями избранными, ѣздитъ на пышныхъ колесницахъ и думаетъ, что онъ на высотѣ цивилизаціи. Но такая особа скорѣе выражаетъ не цивилизацію, а эгоиста-самолюбца.

Истинная цивилизація заключается не въ томъ, чтобы блистать одеждами и наслаждаться яствами, а въ томъ, чтобы одѣвать полунагихъ и питать голодныхъ.

Еще по нашимъ *законамъ*, привезеннымъ изъза границы: если дѣвица не дошла до черточки совершеннолѣтія, то родители еще могутъ располагать ея волею.

Родители отъ колыбели до совершеннолѣтія воспитывали свою дочку, они узнали ея свойство, ея характеръ, ея тайники сердца, вглядѣлись въ ея душу и сами дышатъ ея душою.

И если случится, что дочка ихъ плѣнилась женишкомъ, что ей понравились его усы, бѣлыя перчатки, желтыя штиблеты, а родители сами были молодые и помнятъ, какъ они любили и, любя, ошибались, и они видятъ, что дочка ихъ увлеклась, что ея женихъ обманщикъ, что у него хороша одна только внѣшность, а душа низкая и отвратительная и что ему нужна не дочка ихъ, а ея приданое и родители своею властью могутъ воспрепятствовать такому браку и спасти свое дитя, а дочка переплачетъ, погорюетъ и забудетъ; а

родители между тѣмъ подберутъ ей юношу благороднѣйшаго, достойнаго соединить свое счастіе съ ея счастіемъ.

Вотъ почему сказано: „*чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли*“ *).

Но какъ только дѣвица пересигнетъ черточку совершеннолѣтія, то родители ее поймать уже не могутъ, она вдругъ сдѣлается „умнѣе, опытнѣе“, а родители—„не понимающими ея нѣжныхъ чувствъ любви“.

И вся эта перемѣна происходитъ не отъ зла и не отъ блага, а отъ одной только черточки, оттого, что дочка перепрыгнула черточку.

Теперь дѣвица на просторѣ: она вырвалась изъ костлявыхъ рукъ *родителей*, она свободно можетъ дышать, свободно избирать друга сердца.

Если родители и увидятъ, что дочка ихъ увлеклась развратникомъ, что она бросается въ опасность, какъ бросаются съ моста въ рѣку, да сдѣлать ничего не могутъ, потому что законъ о совершеннолѣтіи воспрещаетъ родителямъ спасать своихъ дѣтокъ.

И самые служители Алтаря Господня предъ совершеніемъ бракосочетанія требуютъ согласія власти государственной, то-есть согласія чужихъ,

*) Книга Исходъ глава 20, стихъ 12.

а согласія родныхъ не требуютъ; и случается, что совершаютъ браки противъ воли родителей.

И только послѣдствія обнаруживаютъ несовершенство такого законодательства о бракѣ; пылкое сердце дѣвушки, какъ неопытное, ошиблось, оно выбрало друга жизни, неспособнаго къ труду, а способнаго къ роскоши, блеску и пышности.

И къ юнымъ супругамъ путемъ праздности мужа подкрадывается нужда, начинается распродажа вещей, приданаго. Домовладѣлецъ не уважаетъ юныхъ супруговъ, что они сочетались по любви и что супругъ одѣвается по-европейски, а грубо требуетъ деньги за домикъ, въ которомъ они живутъ, и грозитъ строгостію провосудія; случается, что и печка не топлена въ домѣ, и ложный огонекъ*) любви въ сердцахъ юныхъ супруговъ потухаетъ, какъ потухаетъ искра въ пеплѣ послѣ прогорѣвшихъ дровъ; и другъ сердца бросаетъ свою семью, какъ ненужное бремя, и красавица любви съ большимъ чревоношеніемъ печально возвращается подъ кровъ своего родителя.

Въ сердцахъ юныхъ иногда сіяетъ огонекъ любострастія, который могутъ примѣтить только родители.

---

*) Этотъ животный огонь горитъ въ людяхъ, когда они питаются мясомъ, запиваютъ винами заморскими, одѣваются бобрами; но какъ только наступитъ бѣдность и голодъ, этотъ огонекъ потухаетъ, какъ не имѣющій для себя животной пищи.

Въ дѣлѣ бракосочетанія юныхъ требуется истинная любовь, но еще болѣе требуется опытъ родителей, потому что въ нашемъ мірѣ очень много мошенниковъ.

Родители это—два Ангела хранителя, поставленные Небомъ около неопытной жизни дитяти, юноши или дѣвицы.

И поэтому, когда юное дитя лишается родителей, то оно и называется сирота, то-есть жизнь безъ руководства.

Печальныя событія жизни происходятъ оттого, что мы слишкомъ много надѣемся на власть чиновниковъ и мало даемъ значенія власти родительской.

Отецъ идетъ за плугомъ по своей нивѣ и думаетъ подъ шляпою, что сынъ его въ городѣ и что сосѣдъ пришелъ изъ города, сказывалъ, что онъ запутался и ходитъ по трущобамъ; и стало жалко отцу сына: онъ его родной, онъ вспомнилъ, какъ онъ его качалъ въ люлькѣ, какъ онъ водилъ его въ церковь,—и на глазахъ старика заблестѣли слезы.

И по окончаніи полевыхъ работъ съ котомкою за плечами, съ посохомъ въ рукѣ, отецъ идетъ въ столицу, ходитъ по вертепамъ, по лачугамъ, вездѣ выглядитъ и находитъ его полураздѣтымъ, одѣнетъ его и ведетъ домой, такъ сказать,

на веревочкѣ и заставляетъ его участвовать въ полевыхъ работахъ, и отцу удобно смотрѣть за сыномъ потому, что онъ у него одинъ.

А государственный чиновникъ иногда въ одинъ часъ отпускаетъ десятки тысячъ юношей на-сторону для работы, и гдѣ же ему одному смотрѣть за всѣми, и всѣ они ему неродные и ему ихъ не жалко.

Государственные чиновники—это *бездушные* фонари*), поставленные на дорогу, мимо которыхъ идутъ и ѣдутъ; они хотя и указываютъ путь, но сами остаются неподвижны.

Но въ сердцѣ родительскомъ свѣтится небесный огонь любви **), положенный природою.

---

*) Бываетъ такъ: профессоръ прочитаетъ лекцію студентамъ въ университетѣ, разскажетъ имъ о законахъ природы, о жизни микробовъ, о клѣточкѣ бытія и потомъ закроетъ книгу, уходитъ въ свою семью, а студенты разсыпаются по городу, по Бронной, по номерамъ, лачугамъ, и, можетъ-быть, они тамъ проводятъ время въ чаду разврата, и профессоръ не пойдетъ наблюдать за ними, живутъ ли они нравственно, потому что это внѣ его обязанности.

И такимъ образомъ студенты оказываются въ положеніи брошенныхъ дѣтей.

Вотъ почему сказалъ Апостолъ Павелъ: *„учителей много, отцовъ же мало“*.

1-е Коринѳ. 4, 15.

**) Ни одинъ законъ, ни одинъ циркуляръ, ни одинъ приказъ не можетъ заставить любить.

Глазъ родительскій можетъ слѣдить за сыномъ не только вблизи, но и вдали, не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ свѣта.

Власти родительскія — это нервы *) тѣла государства, прервавъ которые, мы можемъ дойти до политическаго сумасшествія и разложенія.

Въ нашемъ мірѣ находятся три отца: отецъ семейства, отецъ государства и Отецъ Небесный; они животворятъ міръ и хранятъ его.

Многіе говорятъ, что нельзя давать много власти и родителямъ; иной отецъ, какъ невѣжда, какъ деспотъ, можетъ злоупотреблять властію, а государственные чиновники не могутъ злоупотреблять властію, это люди совершенства, это существа невинныя, выписанныя изъ міровъ ангельскихъ, иногда имѣющія по нѣскольку блудницъ.

Небесная искра любви горитъ только въ сердцѣ родительскомъ, сердцѣ родномъ.

И отъ этого небеснаго огня освящается власть родительская.

И если потухнетъ этотъ огонь на алтаряхъ сердецъ родительскихъ, то наступитъ въ мірѣ мракъ и холодъ смерти, и тогда сгніютъ тѣла политическія.

*) Когда заболитъ маленькій членъ тѣла, палецъ въ сапогѣ, хотя его не видно, но я чувствую, что его дергаетъ, что онъ болитъ, потому что онъ мой родной и что къ нему провсденъ нервъ.

Родители, чиновники, какъ люди, могутъ быть несовершенны.

Если жизнь родителя не соотвѣтствуетъ достоинству власти, это еще не даетъ права сыну бросить отца.

Какъ порокъ военачальника не даетъ права воину убѣжать отъ своего знамени.

Не хорошъ отецъ—взыскать съ отца; не хорошъ сынъ—взыскать съ сына.

И это мы должны сдѣлать для того, чтобы сохранить семью.

Какъ въ тѣлѣ: болитъ голова—нужно лѣчить голову, болятъ члены—нужно лѣчить члены.

Но если заболитъ чужой палецъ въ сапогѣ, я не могу чувствовать потому, что онъ чужой и къ нему не проведенъ мой нервъ.

И если вмѣсто нерва провести веревочку къ чужому пальцу, я также не буду чувствовать, потому что это будетъ искусственное, а не родное.

Власти родительскія—это родные нервы тѣла государства, посредствомъ которыхъ вѣнценосная глава можетъ чувствовать всѣ болѣзни государства и врачевать ихъ.

А власти государственныхъ чиновниковъ—это веревочки, которыя хотя и крѣпятъ государство, но онѣ не даютъ вѣнценосной главѣ чувствовать о болѣзни государства, потому что онѣ дѣланны, а неприродны.

А у насъ выходитъ такъ: заболѣла голова, и мы спѣшимъ отнимать руки и ноги и тѣмъ губимъ жизнь семейную и государственную.

А когда мы разводимъ супруговъ, то губимъ жизнь въ самомъ ея началѣ.

Власти государственной человѣкъ обязанъ повиноваться всю жизнь отъ колыбели и до могилы.

Но власти родительской сынъ повинуется только до совершеннолѣтія; въ этомъ возрастѣ сынъ считается какъ бы неправоспособнымъ, но какъ только переступитъ совершеннолѣтіе, хотя одинъ денекъ, дѣлается умнѣе и онъ можетъ отдѣлиться отъ жизни семейства отца и жить своею жизнію.

Въ цвѣтущихъ лѣтахъ родитель могъ бы пріобрѣсти себѣ (благо) средства для жизни въ старости.

Но онъ весь запасъ силъ жизни отдалъ жизни дѣтей, и поэтому дѣти должны возвратить родителю то, что они отъ него получили, то-есть посвятить силы своей жизни для его жизни.

Въ этомъ и заключается справедливость, правда закона жизни.

Но если бы родитель не отдалъ силъ жизни для жизни дѣтей, то не могла бы быть жизнь дѣтей, а была

бы ихъ смерть; жизнь дѣтей вызвана жизнію родителя, и потому дѣти должны принадлежать родителю, какъ его собственность, какъ его богатство, и дѣти должны повиноваться родителю всю жизнь, пока жива его жизнь.

Въ крѣпкихъ силахъ родитель не нуждался въ жизни дѣтей, онъ самъ животворилъ ихъ, но когда сдѣлался старъ, является нужда въ дѣтяхъ, онъ плохо видитъ, его нужно сводить въ храмъ Господень, чтобы помолиться ему, онъ плохо ходитъ, нужно сходить на студенецъ почерпнуть воды, чтобы дать попить ему или сводить въ баню, чтобы помыть его.

Поэтому чѣмъ болѣе слабѣетъ жизнь родителя, тѣмъ болѣе должна крѣпнуть его власть *), чтобы сынъ не ушелъ отъ него и не оставилъ его безъ помощи.

---

*) У всѣхъ древнихъ народовъ высоко ставилась власть родительская, оскорбленіе родителя равнялось оскорбленію Величества.

У Евреевъ въ Священномъ Писаніи было опредѣлено побивать камнями сына, о которомъ родители донесутъ судьямъ, что сынъ ихъ злословитъ и имъ *не повинуется*.

„Второзаконіе. Глава 21, Левитъ 20".

У Ѳиваидовъ, Финикіянъ, Фриговъ, Готѳовъ, Мексикановъ, Персовъ и Римлянъ родители имѣли власть продавать *дѣтей на базаръ* въ рабство.

Гугонъ Гротій. Книга 2, подъ числомъ 5 и 7.

А собственно у Римлянъ родители имѣли власть неисправныхъ дѣтей *казнить смертію*.

Гугонъ Гротій. Книга 2, подъ числомъ 5 и 7.

Дѣти, повитыя въ колыбели, не могли жить безъ жизни родителей, и согбенные старостію родители не могутъ жить безъ жизни дѣтей возрастныхъ.

Отдѣлить дѣтей отъ родителя значитъ перерѣзать жизнь пополамъ.

Когда писанный законъ не соотвѣтствуетъ закону жизни, приноситъ зло жизни.

А по нашимъ законамъ дѣлаютъ такъ: какъ только отецъ состарился, наступила нужда въ сынѣ, сынъ получаетъ совершеннолѣтіе и право удалиться отъ отца.

И оставленный отецъ съ корзиночкою на рукѣ, одѣтый въ лохмотья ходитъ по окнамъ селенія, собираетъ куски хлѣба, милостынки или тонетъ въ грязи дороги, или вязнетъ въ пучинахъ снѣжныхъ, тащась отъ деревни до деревни, а его богатый сынъ въ столицѣ живетъ съ блудницею или полураздѣтымъ ютится въ притонахъ пьянства.

При императорахъ Валентиніанѣ, Валентѣ и Гротіанѣ родители имѣли власть отдѣлять дѣтей отъ семейства, лишать ихъ наслѣдства, и если отдѣленный уже сынъ оскорблялъ родителя, то законъ лишалъ его свободы и снова подвергалъ подъ власть *родительскую*.

Кодексъ. Книга 8, титло 8.

А за отцеубійство у Римлянъ древнихъ преступника-сына зашивали въ кожаный мѣшокъ и бросали въ воду.

Таковы послѣдствія нашего законодательства о совершеннолѣтіи.

Иной скажетъ: „я самъ отецъ, покрытый сѣдинами, имѣю много сыновъ и внучатъ“.

Но если ты сталъ отецъ семейства, то кѣмъ же сталъ твой отецъ? Онъ сталъ отцомъ отца, онъ сталъ родоначальникомъ, патріархомъ, и власть его должна быть еще выше.

Предъ такимъ отцомъ должны благоговѣть не только дѣти родныя, но и чужія и въ особенности холостяки, хотя бы они были ученые; они должны снимать шляпу у порога дома его, потому что здѣсь живетъ родоначальникъ, патріархъ, и слово Божіе говоритъ „*почти лице старческое*“ *).

Древніе находили такую казнь соотвѣтствующей преступленію.

Они говорили: если сынъ лишилъ себя родившаго его, то онъ долженъ лишиться солнца, воды, воздуха и земли, отъ которыхъ родится вся природа.

Они бросали преступника въ воду для того, чтобы тѣло его не съѣли звѣри и не сдѣлались еще свирѣпѣе, а зашивали въ кожаный мѣшокъ для того, чтобы тѣло не осквернило воду и чтобы кожа отдѣляла воду отъ тѣла.

Цицеронъ въ словѣ за Росція Америна.

Константинъ Великій къ этой казни добавилъ новое му-

*) Левит. 19, 32.

Законодавецъ Небесный самъ Іегова на дымящемся Синаѣ не написалъ: *люби себя*, потому что это легко и всѣ на это способны, а написалъ: *чти отца твоего и матерь твою* *), это не легко и не всѣ на это способны.

У родителей въ старости потухаютъ взоры, притупляется слухъ, слабѣетъ память и разсудокъ; они дѣлаются, какъ бы дѣти, неспокойны, кропотливы.

Все это дѣти и должны потерпѣть за то, что родители терпѣли крикъ въ люлькѣ и проводили безсонныя ночи.

Нарушается законъ жизни государства, когда въ немъ не существуетъ единства жизни.

Благороднѣйшій отецъ, благословляя своего сына идти на-сторону для работы, наказываетъ ему, чтобы онъ ходилъ въ церковь, не пьянствовалъ и особенно сохранялъ себя въ чистотѣ и цѣломудріи, и сынъ, придя въ столицу, видитъ среди блистательныхъ храмовъ христіанскихъ разрѣшенные дома разврата и дивится онъ, что объ этомъ знаютъ священники, архіереи и молчатъ, и вопреки воли родителя случается, что дѣлается жертвою заразы обольщенія, соблазна.

ченіе: собственнымъ указомъ повелѣлъ въ кожаный мѣшокъ съ отцеубійцею сажать пса, змія, пѣтуха, обезьяну и также бросать въ рѣку или море.

Кодексъ Іустиніановъ. Книга 9, титло 31.

*) Книга Исходъ. Глава 20, стихъ 12.

И оказывается, что власть родительская развратъ не дозволяетъ, а власть государственная дозволяетъ: здѣсь правительство дѣлаетъ преступленіе противъ своей обязанности охранять семью, и можно сказать, что власть государственная ошибается, потому что она дѣйствуетъ наперекоръ волѣ родителей и разрушаетъ семью, то-есть совершаетъ самоубійство.

Цѣлую половину человѣчества-юношей мы поставили на ложную дорогу, давъ имъ право развращаться. Въ какомъ же положеніи оказывается другая половина человѣчества—дѣвушекъ?

Иной отецъ имѣетъ пять дочекъ, одна изъ нихъ старшая уже расцвѣла, какъ роза человѣчества, наступила пора замужества, пора любви, нужно опредѣлить къ мѣсту, но ее никто не беретъ, спрашиваютъ деньги, а денегъ нѣтъ, да и женихамъ нѣтъ расчета брать бѣдную невѣсту, потому что имъ дозволяется замѣнять невѣстъ дѣвушками изъ прислуги, дѣвушками на бульварахъ и дѣвушками въ домахъ терпимости.

Но что же дѣлать отцу семейства съ дочками, куда ихъ дѣвать: при себѣ держать нѣтъ средствъ, кормить нечѣмъ, отдать въ какое-нибудь промышленное заведеніе это значитъ то же, что свести въ домъ разврата.

Но такъ и случается: овдовѣетъ въ деревнѣ какая-нибудь тетка Наталья съ дочками и по бѣдности ведетъ свою Настю въ Москву, какъ полусиротку, какъ полевой цвѣтокъ, щечки у ней румяныя, глазки невинные и отдаетъ въ промышленное заведеніе.

И здѣсь какой-нибудь любимецъ богатства или сынъ науки обольститъ ее, осквернитъ, износитъ и выброситъ; она валяется въ грязи, вся обгаженная, а онъ курсъ окончилъ, мундиръ обшилъ золотомъ, уѣхалъ въ Петербургъ, ищетъ дѣвственницу, генеральскую дочку, да тысячъ сто приданаго, а эту Настю съ большимъ чревоношеніемъ и бѣлыми губами опять въ деревню къ теткѣ Натальѣ и скажутъ ей: сама себя довела.

Вотъ въ какомъ печальномъ беззащитномъ положеніи находится семья въ Россіи.

Когда въ мірѣ не было великихъ царствъ—была одна семья, тогда не было богадѣленъ, пріютовъ, попечительствъ, но были больные, немощные и гдѣ же они находили пріютъ? Всѣ старые, неспособные къ труду почивали на лонѣ семьи сына или отца.

Домъ семьи былъ домомъ правосудія, домомъ пристанища и успокоенія.

Представимъ себѣ, что семья состоитъ изъ десяти человѣкъ и если изъ нихъ одинъ заболитъ, то девять остаются здоровыхъ и одинъ можетъ опочить на лонѣ любви родныхъ и девять могутъ одного успокоить.

Современная потребность въ правосудіи, больницахъ, богадѣльняхъ доказываетъ, что у насъ потрясена семья.

Достославно—лѣчить отъ болѣзни, хотя бы отъ чумы въ нашемъ отечествѣ, но еще достославнѣй—не допустить чуму въ наше отечество.

Хорошо помогать людямъ въ бѣдности, но еще лучше предотвратить бѣдность.

А мы дѣлаемъ такъ: сперва разобьемъ семью, народъ развратимъ, сдѣлаемъ его неспособнымъ къ самосуществованію, а потомъ будемъ помогать ему; сперва ограбимъ *), а потомъ будемъ являть милосердіе; отнимемъ тысячу, а копѣйку дадимъ.

Какой-нибудь фабрикантъ въ десяткахъ лѣтъ сколько развратитъ народу, сколько на его дворѣ погибнетъ дѣвицъ и младенцевъ, а подъ старость жертвуетъ капиталъ въ благотворительное учрежденіе на десять кроватей и съ тѣмъ, чтобы эти кровати славились его именемъ.

Вотъ что значитъ цивилизація.

Посмотрите на наше правосудіе, кто тамъ судится: родители съ дѣтьми, мужья съ женами, юноши и старцы съ блудницами.

---

*) Скажемъ яснѣе, мы дѣлаемъ такъ: сперва выстроимъ домъ терпимости, а потомъ будемъ строить домъ Маріи Магдалины; сперва жизнь развратимъ, изуродуемъ, выбросимъ, а потомъ поднимемъ и будемъ возстановлять нравственность.

Таковы порядки современнаго общества.

Посмотрите на нашихъ нищихъ, если бѣдный— молодой, это сынъ, оторвавшійся отъ семейства; если старикъ—это отецъ, брошенный дѣтьми; если— женщина, это жертва, выкинутая изъ дома разврата, или оставленная какимъ-нибудь частнымъ блудникомъ, не ученымъ или ученымъ, гражданскимъ или военнымъ.

Посмотрите на самую жизнь. Если живетъ парочка изъ благородныхъ, то онъ утромъ уходитъ въ какое-нибудь присутственное мѣсто писать бумаги или учить юношей, носить оружіе, а она уходитъ учить нѣмецкому языку или музыкѣ, а на ночь сходятся въ одну гостиницу *).

Если парочка изъ мужиковъ, то онъ уходитъ на поденную работу копать землю лопатой, а она бѣгаетъ въ огородъ щипать траву изъ грядъ, а на ночь собираются въ одну лачугу.

Дѣти у нихъ родятся, относятъ въ Воспитательный домъ; когда они еще молоды, сами себя оправдываютъ, но какъ только сдѣлаются неспособны къ труду, разсыпаются по городу, по церквамъ и напрашиваются въ богадѣльни.

Вотъ происхожденіе нашихъ бѣдныхъ, мы подбираемъ нищихъ старыхъ, а намъ готовятъ новыхъ.

---

*) А чтобы по возвращеніи одинъ другого не дожидался, ключикъ отъ двери номера оставляютъ швейцару.

Мы имѣемъ богадѣльни, но у насъ есть и поставщики бѣдности—казармы, университеты, гостиницы, фабрики и дома разврата.

Съ какой стороны ни посмотри на семью, вездѣ есть больныя мѣста.

Теперь возбуждается вопросъ о равноправіи женщины, что женщина имѣетъ право просвѣщаться всѣми науками, что она имѣетъ право служить человѣчеству, что она въ правѣ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, совершая дѣла, что она можетъ являться въ судъ повѣреннымъ и докторомъ къ больному.

У насъ мужчина называется человѣкомъ и женщина называется человѣкомъ.

Въ этомъ отношеніи полное равноправіе.

Но въ отношеніи обязанностей не можетъ быть равноправія.

Представимъ себѣ, что у супруговъ родился ребенокъ. Кто имѣетъ право его воспитывать? Мужчина не имѣетъ права его воспитывать, потому что у него нѣтъ способностей млекопитанія, а женщина имѣетъ право его воспитывать, потому что она имѣетъ способности его воспитывать.

И это право возлагаетъ на женщину обязанность сидѣть дома.

Самые сосцы доказываютъ, что женщина—не судья, и не учительница, и не докторъ, а мать жизни, воспитательница человѣчества.

Но для младенца ученой женщины можно нанять кормилицу, то-есть уговорить за деньги какую-нибудь деревенскую дуру, чтобы она отняла молоко, принадлежащее жизни родного ребенка, и отдала молоко жизни чужого ребенка и чтобы своего ребенка воспитывали въ деревнѣ скотскимъ молокомъ или соскою изъ чернаго хлѣба.

Хотя родной младенецъ ничего на это не скажетъ, но это есть нарушеніе закона жизни и великое зло со стороны господъ подговаривать деревенскихъ бабъ, чтобы онѣ грабили своихъ дѣтей—младенцевъ.

Такъ разсуждаютъ мужики.

Но если деревенскій ребенокъ отъ скотскаго молока заболитъ или умретъ или вырастетъ въ родѣ скотины — это ничего не значитъ, только было бы хорошо ребенку ученой женщины;—а такъ понимаютъ господа.

Таково служеніе человѣчеству.

Женщина имѣетъ девять мѣсяцевъ беременности

и въ послѣднюю половину ея она тяжело ходитъ, тяжело дышитъ и ей неудобно ходить по лѣстницѣ въ академію или судъ.

Потомъ наступаетъ время рожденія и воспитанія дѣтей, и если женщина будетъ отсутствовать изъ дома, то кто будетъ провожать дѣтей въ училище или кто будетъ встрѣчать ихъ.

Одной такой матери прислуга изъ крестьянокъ докладываетъ, что дѣти воруютъ ягоды изъ сосѣдняго сада, что они дерутся до крови, что они ругаются сквернословіемъ и разговариваютъ съ учеными людьми, не признающими Бога.

Она отвѣтила ей: „оставьте меня въ покоѣ, теперь я ѣду въ общество служенія человѣчеству“.

Ученая мать ѣздитъ въ чужое семейство, играетъ на фортепіано, поетъ, она ѣздитъ и въ общество ученыхъ и съ ними смотритъ въ небо и наблюдаетъ разстояніе отъ звѣздочки до звѣздочки.

А въ ея семействѣ растутъ воры, разбойники, нахалы и безбожники.

Таковы заслуги ученой матери предъ обществомъ.

Женщина, не сходя съ семейнаго поприща, можетъ принести великую пользу обществу.

Библейская жена Анна не посвящалась наукамъ, но любила присутствовать въ храмѣ Господнемъ и она родила провозвѣстника воли Божіей, пророка Самуила, помазавшаго царя Давида на царство.

И русская жена Марія жила въ семействѣ, не любила музыки, но любила поститься и находиться въ храмѣ Господнемъ и она принесла великую пользу Россіи тѣмъ, что родила и воспитала юношу Преп. Сергія Радонежскаго.

Вотъ гдѣ женщины должны служить человѣчеству, ихъ обязанность изучать не искусство пѣснопѣнія, а звуки плача младенцевъ въ колыбели, ихъ обязанность узнавать не сіяніе свѣтилъ небесныхъ, а сіяніе нравственности и разума своихъ дѣтокъ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства были жены, исходившія на общественное служеніе, но то были діаконицы-вдовицы, дѣвицы, давшія обѣтъ чистоты и цѣломудрія, онѣ помогали Апостоламъ въ распространеніи Свѣта Евангельскаго, служили при церквахъ, помогали бѣднымъ, ходили за больными и погребали умершихъ.

Но тогда ненадежною считалась подвижницею, если она не довольно обращала вниманіе на то, во что одѣвается и на то, чѣмъ питается, и на то, что отъ этого произойти можетъ.

Такую женщину Апостолъ называетъ заразою общества.

Аще вдовица питается пространно, заживо умерла есть *).

А наши подвижницы не соблюдаютъ даже и постовъ христіанскихъ и онѣ отличаются нравственностію отъ дикихъ людей тѣмъ, что тѣ ѣдятъ птицу живую и сами дергаютъ перья, а эти ѣдятъ птицу мертвую, а перья дергаетъ прислуга.

Женщина можетъ быть подвижницею общества, но съ обѣтомъ не родить дѣтей, и быть примѣромъ воздержанія, но если она не исполнитъ этихъ правилъ, то она будетъ не учительница и не докторъ, а *язва* общественная.

Но ничто такъ не разрушаетъ семью, какъ развратъ, и никто такъ не остается безнаказаннымъ, какъ разбойники, нападающіе на семью.

Наши сады ограждены тычинками, частоколомъ, растущіе овощи обнесены жердочками, огородочками, наши луга, лѣса обведены канавами. И остается открытою для грабителей только одна семья.

Что значитъ, что баринъ живетъ съ блудницею? Это значитъ то, что онъ вторгся въ семью, погубилъ благороднѣйшій членъ ея, мать жизни, и

*) Къ Тимоѳею 1-е посланіе апостола Павла, глава 5, стихъ 5, 7.

остается безнаказаннымъ *), потому что семья не ограждена закономъ и нѣтъ состава преступленія.

По нашему правосудію цѣнится одно мертвое, а не живое, цѣнятся трава, дрова, а не жизнь семейная и государственная.

Прежде развратъ преслѣдовался закономъ, и онъ таился въ подземельѣ, дебряхъ, норахъ, а теперь онъ вышелъ наружу, облекся оружіемъ и дерзаетъ стоять на степени власти и распоряжаться семейными людьми.

Когда развратъ жилъ въ подземельѣ, оттуда онъ дѣлалъ набѣги на широту земли, оскверняя ея достояніе, всегда оставлялъ слѣды заразительныхъ болѣзней и грозилъ ими заразить все человѣчество, и мы не могли лѣчить ихъ, потому что онъ жилъ въ подземельѣ.

---

*) Если пьяный на улицѣ закричитъ или оскорбитъ когонибудь словами, это считается нарушеніемъ общественной тишины и наказуется правосудіемъ.

И если обиженный заявитъ на судѣ, что онъ прощаетъ своего врага, то судья ему отвѣтитъ: вы прощаете, да законъ не прощаетъ.

А развратники нарушаютъ общественную жизнь, оскверняютъ дѣвицъ, бросаютъ младенцевъ, разбиваютъ семью и остаются безнаказанными.

Въ этомъ мѣстѣ законъ, какъ органъ государственной охраны, бездѣйствуетъ.

Правительство сдѣлало ошибку, что разрѣшило дома разврата.

Оно думало, что народъ будетъ ходить въ одно мѣсто и ему будетъ удобно за нимъ смотрѣть и лѣчить его болѣзни.

Но развратъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и получилъ право гражданства и, вмѣсто того, чтобы быть въ одномъ мѣстѣ, развратъ появился вездѣ.

Теперь развратъ живетъ въ семействѣ, обществѣ, прислугахъ, господахъ, развратничаютъ подчиненные и начальствующіе, не ученые и ученые, развратъ обитаетъ въ хижинахъ и чертогахъ и, говорятъ, преслѣдовать развратъ значитъ преслѣдовать всѣхъ, а наказывать развратъ значитъ наказывать всю Россію.

Такія рѣчи могутъ имѣть значеніе на Западѣ, тамъ народъ распоряжается народомъ, развратные развратными.

Но у насъ есть небесная власть, есть посланникъ Господень—Царь. Онъ одинъ сильнѣе всѣхъ насъ, надъ нимъ носится Духъ Господень. Онъ носитъ въ себѣ образъ всемогущества Божія. Онъ земной Богъ.

Онъ речетъ: да будетъ свѣтъ и будетъ свѣтъ.

Онъ повелитъ: да будетъ *) семья и будетъ семья. Онъ повелитъ всѣмъ намъ быть членами семьи, и мы будемъ членами семьи, и должны быть членами семьи, и тогда не будетъ развратныхъ, ибо мы всѣ будемъ членами семьи.

Теперь власти спрашиваютъ, какого я города, деревни, и наблюдаютъ, живу ли я жизнію государственною, а тогда будутъ спрашивать, какого я семейства и не живу ли я жизнію скотскою.

И тогда мы будемъ жить не стадомъ барановъ, а жизнію человѣческою, жизнію семейною, жизнію государственною, жизнію Божественною.

Такое повелѣніе царя будетъ не деспотизмомъ, а повелѣніемъ благороднѣйшаго отца, любящаго своихъ дѣтей.

Деспотизмомъ называется то, когда власть нарушаетъ законы жизни, а это повелѣніе охраняетъ законы жизни.

Нравственная жизнь народа, какъ море, у котораго бываютъ великіе отливы, но бываютъ и великіе приливы; злу народному противополагается благо народное, силѣ болѣзни народной противополагается жизнь народная.

*) Государство, желающее имѣть чистоту нравовъ народа, но имѣющее развратныхъ начальниковъ, оно походитъ на человѣка благонамѣреннаго, имѣющаго грязныя руки, которыми оно не столько очищаетъ, сколько грязнитъ.

И такому государству, чтобы имѣть чистоту, непремѣнно нужно умыть руки.

Цвѣтущій юноша есть полъ жизни мужской, а цвѣтущая дѣвица есть полъ жизни женской.

И всякій полъ не есть цѣлое, а только часть цѣлаго, и поэтому одинъ полъ не можетъ процвѣтать жизнію, потому что онъ не есть цѣлое.

Но когда юноши и дѣвицы сроднятся бракосочетаніемъ, начинается процвѣтаніе жизни.

Поэтому силѣ болѣзней всенароднаго разврата слѣдуетъ противопоставить силу жизни всенароднаго брака, и она заживитъ всѣ болѣзни государства.

И поэтому бракъ есть жизнь жизни государства, и государство живетъ жизнію брака, и чтобы государству быть живому, нужно охранять бракъ и уничтожить развратъ. Живое государство должно чувствовать развратъ членовъ семейства, какъ мы чувствуемъ болѣзнь въ членахъ тѣла и спѣшимъ ее вылѣчить, потому что чувствуемъ болѣзнь. Но если мы не чувствуемъ разъѣдающей насъ болѣзни, то мы походимъ на людей умирающихъ или полумертвыхъ, у которыхъ собаки грызутъ колѣнки ногъ и они не чувствуютъ, потому что одеревянѣли. Въ живомъ государствѣ допускается цѣломудріе, дѣвство, живущее жизнію Ангельскою. Дѣвство живетъ въ живомъ государствѣ, какъ духъ живетъ въ живомъ тѣлѣ, не нарушая законовъ жизни тѣла, но споспѣшествуя его жизни нравственной. И дѣвство настолько выше

брака, насколько духъ важнѣе тѣла. Когда государство допускаетъ развратъ, оно походитъ на человѣка больного, признающаго болѣзни полезными для здоровья, а когда государство разрѣшаетъ развратъ, то оно походитъ на человѣка сумасшедшаго, совершающаго самоубійство.

Когда развратное государство обладаетъ богатствами, оно походитъ на человѣка гнилого, увѣшаннаго драгоцѣнными камнями и недалекаго отъ смерти, потому что камни не даютъ жизни.

Когда въ развратномъ государствѣ процвѣтаютъ науки, то оно походитъ на человѣка ученаго, изъѣденнаго болѣзнями и не имѣющаго жизни, и наука не можетъ дать ему жизни, потому что она не жизнь, а только средство жизни.

Когда развратное государство имѣетъ блестящее вооруженіе, такъ что его сосѣди побѣдить его не могутъ, и это не спасаетъ отъ внутренняго умиранія, потому что оружіе не животворитъ, а только охраняетъ жизнь.

Итакъ, наука не жизнь, богатство не жизнь и оружіе не жизнь и государство ими жить не можетъ, потому что они—не жизнь.

Когда будетъ живое государство, у него будетъ и наука, оно наживетъ богатство, и сдѣлаетъ оружіе, но если сгніетъ государство, то наука, богатство и оружіе оживотворить его не могутъ.

Когда бываетъ больное государство, то, какъ хотите, его оправдывайте условіями жизни, городскими обстоятельствами, военнымъ положеніемъ, но отъ этихъ словъ болѣзнь не уменьшается, болѣзнь остается болѣзнію разъѣдающею, и чѣмъ долѣе мы будемъ терпѣть болѣзнь, тѣмъ труднѣе намъ придется съ нею бороться, ибо таковы законы природы.

И чтобы исцѣлить больное государство, не требуются университеты, не требуются фабрики, желѣзныя дороги, не требуются армія и флотъ, потому что они не имѣютъ жизни. А нужно возстановить семью, и она свое здоровье разольетъ по всему тѣлу государства, потому что она имѣетъ жизнь и даетъ жизнь *) всему міру: невѣждамъ и мудрецамъ, пустынникамъ и воинамъ, пахарямъ и вѣнценосцамъ.

И чтобы государству быть крѣпкимъ, должна быть крѣпка жизнь брака.

Если въ развратномъ государствѣ и существуетъ престолъ монарха, то онъ покоится на гнилыхъ подпоркахъ, и считается небезопаснымъ

---

*) Семья даетъ государству людей, скиптроносцевъ, святителей, полководцевъ.

А наука даетъ обществу оружіе, машины, телеграфы.

Слѣдовательно, семья настолько священнѣе университетовъ, насколько человѣкъ важнѣе вещи.

отъ паденія, потому что гнилье долго держать не можетъ.

Когда будутъ потрясены устои семьи, то государство никакая сила поддержать не можетъ.

Когда императорскій Римъ распространялъ предѣлы имперіи, когда его легіоны побѣждали народы въ далекихъ странахъ свѣта,—въ это время внутренняя болѣзнь разврата аристократіи подтачивала его жизнь.

И не спасли его скипетроносцы, мудрецы, правовѣды, ораторы, полководцы, и онъ развалился среди блестящихъ побѣдъ.

Онъ палъ, какъ падаетъ гнилое дерево, не потому, что на него напирали вѣтры, а потому что оно было гнилое.

Для императоровъ римскихъ легче было стереть съ лица земли многомилліонныя царства народовъ, чѣмъ справиться съ развратомъ своей страны. Развратъ сгноилъ все тѣло государства съ ногъ и до головы.

Онъ попралъ знаменитые законы.

Предъ нимъ оказались безсильны наука, академіи, многочисленное оружіе. Но его можетъ побѣдить единственная сила—это христіанскій бракъ.

Время брака опредѣляется не законодателями и не закономъ, а самою природою.

Если юношѣ нравится дѣвица, а дѣвицѣ юноша—это значитъ наступила пора священнаго бракосочетанія.

Но современные мудрецы доказываютъ, что юноша еще неопытенъ, что онъ не можетъ выбрать себѣ подругу жизни, что онъ можетъ жениться несчастно и это будетъ зломъ.

Но если юноша побываетъ во всѣхъ домахъ терпимости, если онъ нахватается всѣхъ ядовъ разврата и сдѣлается заразою общества, если у него зубы будутъ гнилые, голова облѣзлая—это не считается зломъ, и съ такимъ видомъ человѣкъ считается опытнымъ.

Дѣти жили же жизнію родителей, еще въ колыбели повитыми, родители понимали ихъ нужды, понимали ихъ плачъ, понимали ихъ нѣмотствованіе и улыбки.

Но когда дѣти стали цвѣтущими и говорящими, то родителямъ нетрудно понять условія ихъ благополучія.

Подъ наблюденіемъ родителей юноша достигъ цвѣтущаго состоянія красоты и способностей. Почему же онъ при участіи родителей не можетъ быть счастливымъ въ раннемъ бракѣ? Юнымъ супругамъ нужно будетъ проходить неизвѣстный путь жизни, а родители уже прошли его и знаютъ, что на немъ встрѣчается; юной четѣ нужно будетъ устроять свое

счастіе, а родители уже устрояли его и знаютъ, что для него требуется.

И юная жизнь дѣтей, направленная опытною волей родителей, всегда бываетъ благополучна и благословенна.

Вотъ еще блестящая причина, по которой сказано: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли* *).

Такимъ образомъ жизнь процвѣтаетъ только въ семействѣ, не при участіи мертвыхъ законовъ, а при участіи живой жизни родительской. Законы— это подпорки дерева жизни; если дерево больно, то подпорки не дѣлаютъ его здоровымъ, а нужно исцѣлить самое дерево, то-есть нужно возстановить семью; дѣти живутъ жизнію родителей, какъ вѣтка живетъ жизнію дерева и само дерево живетъ жизнію семейства корней.

Таковы законы жизни.

Многіе скажутъ, что принуждать жениться нельзя: человѣкъ существо свободное.

Иной юноша скажетъ: я не желаю жениться, а желаю оставаться цѣломудреннымъ дѣвственникомъ.

Такое желаніе достохвально.

---

*) Книга Исходъ. Глава 20, стихъ 12.

Но такого юношу мы должны предупредить, что по нашимъ законамъ возбранено истреблять траву и рвать цвѣты въ садахъ, но если онъ осквернитъ цвѣтущую дѣвицу — это не трава, а мать жизни, мать всѣхъ мудрецовъ—то за это ему будетъ настолько великое наказаніе, насколько дѣвица важнѣй травы.

Если мы укажемъ два пути—одинъ къ благоденствію, а другой—на висѣлицу и скажемъ юношѣ: другъ, не ходи на висѣлицу, тамъ смертію *умрешь*, а иди къ величію и славѣ.

Но если юноша самъ заберется на висѣлицу, это будетъ значить: преступникъ наказанъ, а свобода не нарушена.

Такой законъ былъ и въ царствѣ Эдемскомъ; тамъ было показано два пути: одинъ къ жизни, а другой—къ смерти.

Богъ сказалъ Адаму: „*отъ всякаго древа райскаго снѣсте, отъ древа же познанія добра и зла не снѣсте, въ онь же аще день снѣсте, смертію умрете*“ *).

Нѣкоторые говорятъ, что если Богъ и наказалъ человѣка смертію, но то былъ Богъ; Онъ имѣлъ на это право.

Но человѣкъ какое имѣетъ право наказывать человѣка?

---

*) Книга Бытія. Глава 2, стихъ 16, 17.

По моему мнѣнію, болѣе подходитъ человѣку наказывать человѣка, чѣмъ Богу.

Богъ по существу Своему есть высшая жизнь, благость, любовь и милосердіе и Богъ не былъ бы и Богомъ, если бы не имѣлъ милосердія, то какъ могла произойти отъ жизни смерть, отъ милосердія—наказаніе.

Смерть произошла не отъ жизни и не отъ милосердія Бога, она родилась въ волѣ человѣка.

Богъ сотворилъ огонь, чтобы свѣтилъ намъ, но человѣкъ сгораетъ въ немъ. Богъ сотворилъ воду, чтобы поила насъ, но человѣкъ бросается въ нее и погибаетъ.

Здѣсь не значитъ то, что Богъ сотворилъ огонь и воду—сотворилъ смерть, но значитъ то, что человѣкъ самъ погибаетъ, злоупотребляя дарами Божіими.

Если человѣка лишить возможности страдать, чтобы онъ не могъ не блаженствовать — это значитъ лишить человѣка свободы, то-есть сдѣлать его деревомъ, которое не можетъ быть не деревомъ, потому что оно дерево.

Но человѣкъ сотворенъ свободнымъ, онъ можетъ быть смертнымъ и безсмертнымъ, онъ можетъ быть Ангеломъ и сатаною.

Въ этомъ и заключается его высшее достоинство.

А теперь кричатъ, что человѣка наказывать не слѣдуетъ, что нужно его исправлять не розгами, а наукою.

Намъ говорятъ, что всякій преступникъ можетъ покаяться и онъ будетъ въ царствіи небесномъ, а мы убили его и онъ лишился возможности покаяться и онъ не будетъ въ царствіи небесномъ, а будетъ въ аду.

И въ этой погибели будутъ виноваты тѣ, которые убили его.

Но если мы сдѣлаемъ безнаказанными преступниковъ—этимъ мы дадимъ просторъ разбойникамъ, и они убьютъ много грѣшныхъ, имѣвшихъ возможность покаяться и быть въ царствіи небесномъ, но разбойники ихъ убили и они лишились возможности покаяться и они не будутъ въ царствіи небесномъ, а будутъ въ аду.

И кровь этихъ погибшихъ широко ляжетъ на совѣсти тѣхъ, которые разбойниковъ сдѣлали безнаказанными.

Такая безнаказанность развратниковъ уже выразилась въ смерти многочисленныхъ младенцевъ, и эти малютки, раздавленныя копытами коней на дорогѣ, растерзанныя зубами звѣрей, своею кровію предъ Престоломъ Вседержителевымъ обвинятъ тѣхъ законодателей, которые сдѣлали блудниковъ безнаказанными.

Иной оправданный преступникъ, идя отъ стѣнъ правосудія, снова дѣлаетъ кровавую дорогу, верстъ на сто убивая невинныхъ, и въ этомъ кровопролитіи виноваты тѣ судьи, которые оправдали разбойника.

И люди, которые не противятся злу разбойниковъ, нападающихъ на чужую жизнь, они приносятъ въ жертву разбойниковъ безопасность и самую жизнь ближняго и сами дѣлаются сообщниками разбойниковъ.

Наказаніе опредѣляется не для того, чтобы губить людей, но для того, чтобы не допустить людей до погибели.

Строгость, заключенная въ законѣ, не есть смерть, а есть страхъ, не допускающій смерти.

Поэтому строгость есть благость жизни, а безнаказанность есть зло жизни.

Я могу простить за свою жизнь, потому что моя жизнь, но я не могу простить за чужую жизнь, потому что чужая жизнь—не моя жизнь, и не могу простить чужихъ должниковъ, потому что чужіе должники—не мои должники.

Въ этомъ состоитъ правосудіе жизни.

Если кто ударитъ меня въ мою ланиту, я могу подставить другую ланиту, потому что моя ланита.

Но если кто ударитъ въ чужую ланиту, я не могу подставить чужую ланиту, потому что чужая ланита—не моя ланита.

Но если я увижу, что обижаютъ чужую жизнь, я долженъ заступиться за чужую жизнь своею жизнію—въ этомъ и заключается христіанское человѣколюбіе: „*больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* *)“.

Если я также увижу, что разбойники давятъ человѣка, вѣшаютъ его на дерево, долженъ за него заступиться, но если я этого не сдѣлаю, то когда и меня будутъ вѣшать, никто не заступится: „*въ нюже мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ* **)“.

На это намъ скажутъ, что если мы наказываемъ преступниковъ, то и преступники насъ накажутъ, а преступники уже насъ наказываютъ, и разница только въ томъ, что мы наказываемъ преступниковъ не для того, чтобы погубить ихъ, а для того, чтобы спасти ихъ, а преступники наказываютъ насъ не для того, чтобы спасти насъ, а для того, чтобы погубить насъ.

---

*) Евангеліе отъ Іоанна. Глава 15, стихъ 13.

**) Евангеліе отъ Матѳея. Глава 7, стихъ 2.

Законодатель не имѣетъ права простить преступника за чужую жизнь, потому что чужая жизнь не его жизнь, чужая жизнь есть жизнь общества, котораго онъ сторожъ, и на немъ лежитъ обязанность отгонять разбойниковъ, нападающихъ на чужую жизнь.

Но если онъ этого не дѣлаетъ, то его отношеніе къ народу будетъ отношеніемъ къ скотамъ, которые вошли въ рожь, ихъ выгнали и послѣ не наказываютъ, потому что они—скоты, не знаютъ, что дѣлаютъ.

Но человѣкъ—не скотъ: это существо свободное, разумное. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и потому заслуживаетъ наказанія по степени его разумѣнія.

Мы лично желаемъ оставаться человѣкомъ, хотя наказуемымъ, и не желаемъ быть скотомъ, хотя не наказуемымъ.

Всякое оскорбленіе личности есть преступленіе уголовное, а оскорбленіе семейства есть оскорбленіе общественное, государственное, ибо семейство есть маленькое государство въ государствѣ и наказаніе за преступленіе противъ семейства должно относиться къ наказаніямъ тяжкимъ, какъ за поджогъ и смертоубійство.

Самая жизнь преступника, какъ несоотвѣтствующая жизни общественной, заслуживаетъ смерти, но чтобы разбойникъ имѣлъ возможность покаяться и не могъ убивать другихъ, его слѣдуетъ держать въ стѣнахъ заточенія или сослать въ отдаленнѣйшія страны и тамъ онъ будетъ имѣть возможность покаяться и не будетъ имѣть возможности убивать другихъ и такимъ образомъ мы спасемъ преступника и оградимъ общественную безопасность.

Какой-нибудь властелинъ или сановникъ, украшенный звѣздами и золотомъ, обитаетъ въ пышныхъ чертогахъ и находитъ, что ему жить въ бракѣ неудобно.

А его младенцу лежать въ зловонной ямѣ удобно.

Такого человѣка, хотя бы въ одеждѣ одинъ разокъ окунуть въ жидкость зловонной ямы и спросить его, что удобно ли тамъ находиться или не удобно, а если удобно, мы можемъ повторить, или оставить на ночку послушать ночное пѣніе пѣтуховъ.

Неудобство брака заключается въ условіяхъ семьи при болѣзни жены; мужу иногда приходится самому качать колыбель съ младенцемъ, ходить на рѣку за водою, колоть дрова, топить печь и давать дѣтямъ просвѣщеніе.

И всѣхъ этихъ трудностей развратный избѣгаетъ.

Отечество одинаково охраняетъ безопасность своихъ подданныхъ, и соотечественники одинаково должны служить ему.

Но оказывается, что бремя служенія болѣе падаетъ на людей семейныхъ.

Семья обязана приводить юношей къ царю для защиты отечества и служенія престолу.

Семья воспитываетъ цвѣтущую дѣвицу,—эту розу человѣчества и мать жизни.

И если у семьянина много дѣтей, то ему нужно много комнатъ, а если у него много комнатъ, то общество дѣлаетъ на него квартирный налогъ за то, что онъ живетъ честно и за то, что онъ воспитываетъ слугъ отечеству.

А развратникъ живетъ въ сундукѣ, то-есть въ номерѣ гостиницы, онъ ничего не знаетъ, для его дѣтей выстроенъ Воспитательный домъ, а для его старости готова богадѣльня и для него общественная безопасность ограждена и для него предоставлены всѣ удобства общественной жизни.

Законодатель не уравновѣсилъ обязанности под-

данныхъ служить отечеству: онъ обременилъ семью и облегчилъ развратъ, онъ сдѣлалъ жизнь семьѣ по обязанностямъ страшною, а развратъ привлекательнымъ и блестящимъ и такимъ образомъ въ нашемъ законодательствѣ существуетъ большой грѣхъ противъ правды закона жизни.

Иной холостякъ живетъ внѣ семьи, жизнь онъ ведетъ европейскую, одѣвается въ новое, волосы у него на головѣ причесаны по-нѣмецки, усы на лицѣ, какъ у рака, на горлѣ бантикъ, на рукахъ цвѣтныя перчатки, а на ногахъ желтыя штиблеты и онъ доволенъ своимъ состояніемъ, но что дѣти его брошены на дорогу, что они замерзли съ открытымъ ротикомъ и съ выпуклыми глазками, что ихъ таскаютъ собаки по улицѣ, это не входитъ въ его разсужденіе, это не входитъ въ разсужденіе и нашихъ просвѣщенныхъ законодателей.

Но мы полагаемъ, что за попраніе правъ семейныхъ, за попраніе правъ человѣческихъ, за попраніе законовъ Божескихъ не можетъ оставаться безъ наказанія и самое общество.

Въ нашемъ мірѣ ничего не бываетъ безъ причины: всякому дѣйствію, движенію есть причина, хотя иногда и не особенно ясная.

Когда на цвѣты наваливаются черви, это значитъ, что испорчена атмосфера.

Когда является смерть личности, это доказываетъ, что нарушены законы жизни.

Міровая опасность вызывается міровою жизнію.

Міровая крамола не выкопана изъ земли лопатою и не поймана неводомъ въ морѣ, она рождена міровою жизнію народовъ, и православная Россія вошла въ семейство міровыхъ царствъ и она подчиняется международному праву.

Къ намъ пріѣжаютъ иностранцы, и мы имѣемъ для нихъ удобство и для ихъ наслажденія жертвуемъ невинностію своихъ дочерей, такое же удовольствіе дѣлаютъ и нашимъ, когда они ѣздятъ за-границу.

На этой почвѣ всенароднаго разврата родился всемірный анархизмъ. *)

И мы спѣшимъ стѣснить нарушителей нашей безопасности, а не взглянемъ на свой развратъ, ихъ вызывающій, и не посмотримъ на эти дома разврата, какъ сѣть раскинутую на просторѣ Европы для погубленія юношей.

Мы хотимъ уничтожить крамольниковъ, чтобы безнаказанно предаться наслажденію и осквернению.

---

*) Крамола произошла, какъ чума, отъ нечистоты, и виноваты тѣ въ появленіи болѣзни, которые произвели нечистоту.

Мы хотимъ жить, не исполняя законовъ жизни.

Посмотрите на многочисленныхъ крамольниковъ—это юноши, оторвавшіеся отъ семейства, это жертвы, вырванныя изъ власти родительской. Это существа, одичавшія вдали отъ крова родительскаго.

Представителямъ царствъ на Западѣ слѣдовало бы позаботиться о нравственности своихъ подданныхъ, но они сами только и дѣлаютъ, что точатъ ножи для убиванія людей.

И что же выходитъ: просвѣщенная Европа собирается остріемъ меча истребить крамольниковъ, а сама брюхата ими и слѣдовало бы ей посмотрѣть на собственное чревоношеніе.

Современную Европу можно уподобить ученой женщинѣ-блудницѣ, которая отъ своихъ предковъ унаслѣдовала сто милліоновъ богатства нравственности и семьдесятъ уже прожила и осталось только тридцать.

Теперь она нужды еще не имѣетъ, сила нравственности превышаетъ силу зла *), но если она не обратитъ вниманія на семью, то и этотъ оста-

*) То-есть полиція подавляетъ анархизмъ.

токъ нравственности она проживетъ на свои казармы, университеты, фабрики и дома разврата.

И тогда страшно будетъ жить на землѣ людямъ нравственнымъ и особенно будетъ больно старцамъ родителямъ, Архіереямъ и Царямъ.

Всѣ желающіе жить должны принадлежать къ жизни семейной, государственной, Божественной и подчиняться условіямъ жизни власти родительской, государственной и Божественной.

Исполненіе законовъ жизни есть нравственность, а неисполненіе законовъ жизни есть безнравственность.

Все то, что не жизнь семейная, государственная и Божественная, есть смерть.

Кромѣ жизни нѣтъ жизни.

И чтобы царствамъ европейскимъ быть живыми, имъ нужно не остріе оружія, а жизнь семейная, общественная и Божественная.

Оружіе—лежитъ ли на плечахъ воина—оно невинно, лежитъ ли въ арсеналѣ — оно также не-

винно, а виновна развращенная воля *), и чтобы избѣгать смерти войны, слѣдуетъ облаготворять волю, то-есть увеличивать нравственность народа.

Мы постигаемъ, что Самодержецъ Россіи Николай II-й предлагаетъ Европѣ уменьшить вооруженіе для того, чтобы удобнѣе заняться нравственностію народа **).

Освящается оружіе только то, которое простирается не для того, чтобы убить жизнь, а для того, чтобы отогнать разбойниковъ, нападающихъ на чужую жизнь.

Когда Европа попираетъ нравственность и увеличиваетъ вооруженіе, она походитъ на бомбу, начиненную, всегда готовую взорваться и погубить міръ.

Когда безнравственные люди остаются обезоруженными, они походятъ на звѣрей безъ зубовъ, не могущихъ кусаться, но они въ одно лѣто могутъ народить дѣтей съ зубами, могущихъ кусаться, потому что они звѣри.

---

*) И человѣка убиваютъ на войнѣ не пули и не огонь, а воля одного человѣка пулями и огнемъ убиваетъ другого человѣка.

Если насыпать пули на землю, то онѣ на ней пролежатъ тысячу лѣтъ, не принося вреда, если ими не злоупотребитъ воля.

**) Смотри правительственное сообщеніе 1899 года, августа 16 дня.

Когда народы свѣта будутъ жить нравственно, они будутъ ходить съ оружіемъ, какъ подданные одного Царя и они воевать не будутъ, потому что нравственность есть жизнь и отъ ней смерти произойти не можетъ, потому что она жизнь.

Но если между просвѣщенными царствами и бываетъ война — это доказываетъ, что между ними есть безнравственные.

А европейскіе народы не могутъ называться нравственными, потому что они разрѣшаютъ дома разврата и живутъ безнравственно.

Народы, живущіе безнравственно, не могутъ быть въ жизни мира, потому что безнравственность есть смерть жизни.

И чтобы любезная Россія была живая среди Европы, ей нужно хранить семейство — источникъ жизни, нужно хранить власти родительскія — эти нервы тѣла, нужно хранить власть Царскую—эту вѣнценосную главу жизни, нужно хранить Православную вѣру—эту Божественную душу ея великаго тѣла.

И для Россіи нѣтъ жизни, кромѣ жизни.

Конецъ.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 21319 5362